

Учен. зап. Смолен. гос. пед. ин-та. 1970. Вып. 25. С. 17–26; *Травушкин Н. С.* Рыбацкая песня на слова Байрона // Литературное краеведение: Материалы к спецвыпуску. Астрахань, 1968. Вып. 5. С. 38–45; Еще раз о песне на слова Байрона: Письма академика М. П. Алексеева // Литературное краеведение: Материалы к спецвыпуску. Астрахань, 1969. Вып. 6. С. 53–56.

²⁶ *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Л., 1959. С. 191–192.

²⁷ *Фет А. А.* Полное собрание стихотворений. Л., 1959. С. 392.

²⁸ *Толстая С. Ф.* Сочинения в стихах и прозе: Пер. с нем. и англ. яз. М., 1839. Ч. 1. С. 200–201.

²⁹ Там же. С. XVI.

³⁰ *Гиривенко А. Н.* Отражение творчества Томаса Мура в русской литературе первой трети XIX в. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1984. Т. 43, № 6. С. 542.

³¹ *Веденяпина Э. А.* Романтизм И. И. Козлова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 20.

Статья поступила в редакцию 21.05.2007 г.

Е. А. Нахимова

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ БУРАТИНО В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

В современной массовой коммуникации текст часто оказывается «многослоиным», т. е. насыщенным элементами интертекстуальности: в нем обнаруживается множество прецедентных феноменов, цитат и квазичитат, реминисценций и аллюзий, явной и скрытой полемики. В подобных случаях интертекстуальность становится не единичным приемом, а ведущим композиционным принципом, что характерно для постмодернистской парадигмы. Адекватное восприятие материалов современных СМИ возможно только в дискурсе, с учетом множества фоновых знаний из различных областей культуры, а следовательно, требует специального подхода, учитывающего современные методики интерпретации текста, включающего концептуальные метафоры, аллюзии, прецедентные феномены и иные проявления интертекстуальности¹. В подобных случаях интертекстуальность становится ведущим композиционным принципом, а не единичным приемом, что характерно для постмодернистской парадигмы.

Значительное место в арсенале средств интертекстуальности занимают прецедентные имена, т. е. широко известные имена собственные, которые используются в тексте не только для обозначения конкретного человека

НАХИМОВА Елена Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры социальной педагогики Уральского государственного педагогического университета.

© Нахимова Е. А., 2007

(ситуации, города, организации и др.), но и в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб. Прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов — ментально-вербальных единиц, которые используются в мышлении для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов.

Специальные наблюдения показывают, что прецедентные феномены, восходящие к одной сфере-источнику, нередко образуют своеобразное поле прецедентных феноменов, в составе которого выделяется целая система прецедентных имен, событий, высказываний и текстов, образующих развернутую подсистему фреймов. Подобное поле во многом оказывается аналогичным ментальному полю, служащему источником для метафорической модели, однако между двумя указанными феноменами можно обнаружить и существенные различия.

В современной отечественной прессе значительное место занимают прецедентные концепты, восходящие к детской литературе. В частности, врач часто обозначается как *доктор Айболит*, милиционера называют *дядя Степа*, простодушного человека — *Незнайка*. Достойное место в этой команде занимают герои сказки А. Н. Толстого «Приключения Буратино, или Золотой ключик», образующие развернутый фрейм прецедентных феноменов. В частности, в «Национальном корпусе русского языка», представленном в Интернете², содержится 133 документа (около 300 контекстов), включающих имя *Буратино* (отметим, однако, что примерно в половине контекстов имеется в виду напиток, названный по имени героя сказки, соответствующая игрушка или спектакль по мотивам указанной сказки). Аналогичные материалы широко представлены и на сайтах ведущих российских газет («Известия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Завтра», «Российская газета»). Именно эти источники и послужили предметом рассмотрения в настоящей публикации.

Если использовать классификацию прецедентных феноменов, предложенную Д. Б. Гудковым, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой³, то в рассматриваемом фрейме можно обнаружить следующие составляющие:

1. Прецедентные тексты — сказка А. Н. Толстого «Приключения Буратино» и ее итальянский первоисточник, а также написанные по их мотивам музыкальные постановки и песни. Ср.: *Впрочем, доверчивых адептов ожидает судьба «коммерческой» карьеры деревянного Буратино, оказавшегося на возделанном поле чудес в стране дураков. Гениальная пародия графа Алексея Толстого в жанре итальянской сказки задолго до ваучеризации и приватизации рельефно выявила реальный финансовый подтекст банковских манипуляций и пирамид, связь их с криминалитетом, а также пагубность предпочтения сиюминутных развлечений новым знаниям* (Анд-

реев И. Л. Россия: взгляд из будущего // Вести. РАН. 2004); Это Аксаков присвоил сказку, придуманную еще в 1757 году французской писательницей Жанной-Мари Лепринс де Бомон, подобно тому, как Алексей Толстой переписал итальянского Пинокио в **Буратино**, а Николай Волков из чужой «Страны Оз» сотворил свой «Изумрудный город» (Кичин В. Кино в кругу кино: Видеосеанс // Известия. 2002. 20 дек.).

2. Прецедентные имена. В современных СМИ прецедентные имена рассматриваемой группы постоянно используются для обозначения тех или иных качеств: (простодушный *Буратино* — кукла, изготовленная из полена, злобный *Карабас-Барабас*, долгожительница *черепаха Тортила*, красивая кукла *Мальвина*, хитрая лиса *Алиса*, ее спутник кот *Базилио*, доблестный пудель *Артемон* и др.). Ср.: Вспоминается история с **Буратино**. Деревянный парень запретил укорачивать себе нос. Это было первое его своеволие. Затем последовала череда самостоятельных поступков, от которых **папа Карло** пришел в уныние. То же самое прослеживается и в настроениях российских политических **Карлов** (Лысков А. Сделано в СМИ // Завтра. 2000. 18 янв.). Если получится **Буратино**, найдем среди вас **папу Карло** (Лившиц А. Копить по-русски // Известия. 2007. 2 марта).

Весьма показательны и параллели, которые проводят авторы современных текстов массовой коммуникации: Григорий Явлинский — *плачущий Пьеро*; Борис Березовский — *папа Карло* или *Карабас-Барабас*; Ирина Хакамада — *лиса Алиса*; Владимир Путин — *Буратино*. Одним из ярких примеров развертывания подобной метафоризации может служить следующий фрагмент из статьи Юрия Зайнашева «Наследник деревянной куклы» (Моск. комсомолец. 2000. 2 апр.):

Буратино появился так. Вместо того чтобы работать с документами, **Мама Карла дель Понто** весь вечер столярничала. Из первого попавшегося полена ей приспичило сделать сыночка. Наследника. Имя ему Мама сочинила сразу — *Буратино*. **Мама Карла** очень хотела, чтобы сыночек вырос честным и боролся с коррупцией. Преемник бежал по тропе, зажимая березовыми ладонями пять золотых монет. Мама отрядила его купить азбуку на Западе. Но она зря надеялась. *Буратино* свернул с пути, указанного ему Мамой Карлой. Сделали это одноглазый кот **Базилио-Березовски** и лиса **Алиса-Дьяченка**.

3. Прецедентные высказывания: *богатенький Буратино*; *поле чудес в стране дураков*; *крекс, фекс, пекс* и др. Отметим, однако, что такие высказывания восходят преимущественно не к тексту А. Н. Толстого, а к вторичным текстам, созданным по мотивам рассматриваемой сказки. Ср.:

В массовость столь дорогих торгов, впрочем, верится с трудом — если и нашлись «богатенькие буратино», то не больше десятка. Кстати, именно столько в палате малоизвестных московских бизнесменов, чья связь с избравшими их регионами плохо прослеживается (Акопов П. Русский сенат.

Попытка коллективного портрета нового состава Совета федерации // Известия. 2002. 30 янв.). Как было сказано в «Буратино», *пациент либо жив, либо мертв* (А. Генис. Довлатов и окрестности).

4. Прецедентные ситуации, т. е. описанные А. Н. Толстым ситуации, к которым обращаются авторы современных текстов в поисках источника для аналогии, способа нетривиальной оценки современных событий или инструмента для моделирования действительности. Чаще всего авторов привлекают следующие ситуации: *папа Карло, создавший ожившую куклу; Буратино, закопавший свои деньги на поле чудес и ожидающий урожая; кот Базилио и лиса Алиса, стремящиеся обмануть простодушного мальчика* и др. Показателен, в частности, следующий типичный пример: *В десяти метрах от контрольно-пропускного пункта, отделяющего Ставрополье от Карачаево-Черкесии, — захудалое придорожное кафе. Над входом в пункт питания краской выведено: «Поле чудес». Карачаево-Черкесская Республика сегодня, и правда, — поле чудес, где российские власти, подобно Буратино, все закапывают и закапывают деньги. И с упорством деревянного мальчика твердо верят, что совсем скоро денежки прорастут стабильностью и безопасностью. Результат, как и полагается, сказочный: Карачаево-Черкесия может стать второй Чечней* (Метелева С. Повторение Кавказа // Известия. 2002. 16 дек.).

В отдельную группу можно выделить прецедентные атрибуты — постоянные приметы облика героев (*длинный нос Буратино, красивые волосы Мальвины, борода Карабаса-Барабаса*), а также важные для развития сюжета прецедентные артефакты (*золотой ключик, картина, за которой скрывалась дверь, поле чудес* и др.).

Можно предположить, что использование в текстах современных СМИ подобных прецедентных феноменов далеко неслучайно. Авторы уверены в том, что сказка А. Н. Толстого хорошо знакома современным читателям, а поэтому соответствующие аллюзии будут правильно восприняты. Если XIX в. начинался с активизации прецедентных феноменов, восходящих к античности, в XX в. максимально активными были прецедентные феномены, восходящие к русской классической литературе, то в наступившем веке закономерно ожидать активизации новых сфер-источников. Все отчетливее в массовой коммуникации прослеживается тенденция к сокращению аллюзий, ориентированных на знакомство с текстами классической литературы, и активизации отсылок к максимально простым и общедоступным источникам прецедентности.

Целенаправленный анализ прецедентных феноменов, функционирующих в современных СМИ, с учетом источников прецедентности и возможных смысловых трансформаций может способствовать обнаружению специфических свойств современной массовой коммуникации и выявлению тенденций в развитии медийного дискурса.

Значительный интерес представляет рассмотрение закономерностей использования прецедентных феноменов, относящихся к рассматриваемому фрейму, в конкретных текстах. На первом этапе исследования разграничим случаи, когда прецедентный концепт *Буратино* оказывается в тексте единственным, не связанным с другими прецедентными феноменами, и случаи, когда прецедентный концепт выступает в составе целого фрейма прецедентных феноменов. По количеству словоупотреблений заметно преобладает первый вариант использования указанного концепта. Например, в публикации, посвященной положению в Грузии, приводятся слова бывшего министра Георгия Хаиндрава: *У Саакашвили (как, кстати, и у Ющенко на Украине) своей идеологии нет. Есть убежденность: если мы пойдем на Запад, то решим все проблемы, найдем там золотой ключик. Я это называю идеологией Буратино* (Юсин М., Иашвили А. Как живут грузины // Известия. 2007. 13 февр.). Образ представляется достаточно интересным, но в данном тексте нет его развития, названный фрейм не является в этом случае доминантным.

Значительно меньше распространен (но более интересен) второй вариант использования рассматриваемого концепта, когда *Буратино* оказывается в составе целого фрейма прецедентных феноменов, играющего важное место в композиционной и эстетической организации текста. Рассмотрим закономерности развертывания указанного фрейма в статье Натальи Галимовой «Поле чудес» (Моск. комсомолец. 2003. 15 сент.).

Акцентирование фрейма *Приключения Буратино* в данной статье начинается уже с самого заголовка, в качестве которого выступает прецедентное название *Поле чудес*. Далее следует интригующий подзаголовок *Папой Буратино был Абрам*, представляющий собой формальную и смысловую трансформацию прецедентного имени *папа Карло*. Это привлекает внимание читателей, хорошо помнящих текст сказки, и заставляет их продолжить чтение, чтобы выяснить причины заведомо неверного утверждения.

Использование прецедентных феноменов, восходящих к указанной сказке А. Н. Толстого, активно продолжается в начальном абзаце рассматриваемой статьи, где обсуждаются отчество и фамилия Буратино и авторство соответствующей сказки. В результате оказывается, что в данном контексте сын папы Карло действительно должен быть Абрамовичем и носить фамилию Березовский. Далее обнаруживается и нетрадиционный подход к определению авторства сказки. Ср.: *Кто бы мог подумать, что фамилия Буратино — Березовский? И что отчество у него вовсе не Карлович, а Абрамович? Тайна деревянного мальчика была раскрыта в субботу на съезде «Либеральной России» Березовского, когда в концертном зале «Измайлово» зазвучала финальная песенка из знаменитого фильма-сказки про золотой ключик. После вопроса: «Скажите, как его зовут?» — прозвучало не привычное уху «Бу-ра-ти-но», а неожиданное «Бе-ре-зов-ский». Присутствующие тут*

же засомневались в **авторстве сказки**: может, ее написал вовсе не Толстой, а друг БАБа Юлий Дубов, который уже «обессмертил» Березовского, сняв фильм «Олигарх».

Развертывание фрейма продолжается (хотя и менее активно) во втором абзаце рассматриваемой статьи, где обнаруживаются **мальвины** и **карабасы-барабасы**, участвующие в празднике на *поле чудес*. Все это позволяет акцентировать концептуальный вектор карнавальности и несерьезности происходящего, что, разумеется, дискредитирует столь серьезное политическое событие, как съезд партии, претендующей на политическое влияние в России и активное участие в избирательной кампании. Ср.:

*Сторонники Бориса Абрамовича решили превратить съезд в поле чудес. Более 600 делегатов походили на гигантские лимоны, нарядившись в ярко-желтые толстовки с надписью «Berezovsky team» (то бишь «команда Березовского»). Наиболее остроумные прозвали толстовки «березовками». Лидер партии Иван Рыбкин «березовку» не надел. «Я похудел на 16 кг, все майки на мне болтаются как на дубине», — пожаловался он. Дважды «подберезовики» устраивали фейерверк. На сцене «распускались» диковинные искусственные цветы, а с потолка сыпались нарядные ленты. Впрочем, не только они: в опасной близости от журналистов пролетели гигантский болт и кусок пластмассы. В большом ассортименте были представлены **мальвины** — девушки из модельного агентства, которых пригласили в качестве украшения. Не обошлось без **карабасов-барабасов**: в зал неожиданно ворвались люди в униформе и масках и заорали: «Не двигаться!» Лица делегатов напряглись. Но вскоре выяснилось, что это проделки товарищей. «Это шутка, — заявил и. о. сопредседателя партии Виктор Курочкин. — Но, пока в нашей стране режим Путина, это может стать реальностью». «Режиму Путина» еще повезло: его выставили в довольно безобидном свете. Изначально планировалось, что «захватчики» будут вооружены и откроют стрельбу холостыми патронами, но администрация «Измайлово» стрелять запретила.*

Составляющие рассматриваемого фрейма не представлены в двух следующих абзацах статьи, но зато они вновь появляются в концовке текста, где пересекаются концептуальные фреймы *Буратино* (кукла, сделанная из полена) и *Березовский*, сторонники которого обозначаются как *подберезовики* и *березовицы*, что акцентируют сему *дерево*. Все это напрямую связано с общим смыслом статьи, в которой съезд партии представлен как действие, весьма похожее на кукольную жизнь, описанную А. Н. Толстым. Ср.:

Компания подобралась что надо. Да и делегаты тоже. Утвердили письмо правительству и королеве Великобритании, в котором выражали благодарность за участие в деле Березовского. А вот о своей судьбе на выборах рассуждали равнодушно. Сейчас сторонники БАБа судятся с Минюстом, оспаривая право участвовать в выборах. Но глава ЦИК Александр Вешняков назвал притязания «подберезовиков» абсурдом: мол, в выборах имеет право

участвовать «ЛибРоссия» Похмелкина. «Ну не регистрируют нас. Подумаешь», — пожимали плечами **березовцы**. Действительно, чего волноваться? БАБ исправно платит своим сторонникам зарплату (лидеры региональных отделений, по информации «МК», получают \$3 тыс.), а они исправно создают шумную оппозиционную массовку. Альянс **богатого Буратино и хитрых котов Базилио** наверняка будет длиться до тех пор, пока Березовскому хочется, чтобы о нем говорили в России. А желание это вряд ли привязано только к выборам.

При знакомстве с представленной статьей легко заметить, что прецедентные феномены являются подлинным структурным, смысловым и стилистическим центром этой публикации. Они в значительной степени обеспечивают целостность и связность текста, поскольку развертывание поля начинается уже в заголовке статьи и максимально развивается в наиболее сильных позициях текста: в его начальной и заключительной частях.

Рассмотренные примеры (а также многие другие) показывают, что ментальное поле прецедентных феноменов со сферой-источником «Детская литература» обладает широкими возможностями для развертывания в текстах современной массовой коммуникации. Одним из наиболее активных в названном поле оказался фрейм «Приключения Буратино». Использование названного фрейма часто носит иронический характер и позволяет выразить негативное отношение к некоторым участникам соответствующей ситуации, а также многие иные концептуальные смыслы. Вместе с тем аллюзии, связанные с детской литературой, легко воспринимаются читателями и нередко помогают автору ярко представить какие-то важные детали, образно охарактеризовать соответствующую ситуацию и ее активных участников.

Специалисты по русской культуре уже отмечали ее «литературоцентризм», высокий авторитет писателей и постоянное обращение к художественным текстам в самых различных сферах коммуникации⁴. Наши наблюдения показывают, что на современном этапе развития для отечественной массовой коммуникации (а возможно, и для российской культуры в целом) особенно характерно обращение к ресурсам детской литературы и иным наиболее доступным источникам. Особенно часто аллюзии связаны с литературными текстами, популярность которых поддерживается хорошими инсценировками, широко известными песнями или римейками.

Заканчивая рассмотрение закономерностей реализации прецедентного фрейма «Приключения Буратино» в современной массовой коммуникации, можно сделать следующие выводы:

1. В текстах, ориентированных на массовую коммуникацию, часто можно обнаружить прецедентные феномены, играющие важную роль в смысловой и эстетической организации содержания. Для русской культуры особенно характерны прецедентные феномены, восходящие к художественным текстам, в том числе текстам популярной детской литературы.

2. Восприятие прецедентного феномена становится более ярким, если он акцентируется в тексте при помощи тех или иных средств, способствующих привлечению внимания читателей к форме выражения соответствующих смыслов. Особую значимость для восприятия прецедентности приобретает использование соответствующего феномена в заголовке текста, в его начальной фразе и в концовке.

3. Доминантные прецедентные феномены представляют собой одно из важных средств обеспечения связности и цельности текста, они усиливают эстетическую значимость и прагматический потенциал текста. Удачное использование прецедентного феномена — мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования картины мира в его сознании. Применение прецедентного феномена способно изменить отношение к обсуждаемой проблеме, создает эмоциональный фон, необходимый для принятия решений, и подсказывает решения за счет активизации аналоговых возможностей человеческого мышления.

4. Использование когнитивно-дискурсивного лингвокультурологического анализа существенно расширяет возможности традиционной лингвистики текста. Эффективный анализ текстообразующей роли прецедентных феноменов возможен только с учетом их интертекстуальных связей и дискурсивной организации текста. Такое исследование позволяет лучше понять развертываемые прецедентные феномены в их взаимосвязи не только внутри текста, но и в общем континууме современности.

---

¹ См.: *Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000; *Богин Г. И.* Техники понимания — общелингвистическая и общефилологическая проблема // Вестн. Гродзеньск. дзяржаўнага ўніверсітэта. 2000. № 3 (5); *Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г.* Жизнь в мимолетных мелочах. СПб., 2006; *Сметанина С. И.* Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): Науч. изд. СПб., 2002; *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

² См.: Национальный корпус русского языка [Электрон. ресурс]. Режим доступа: ruscorpora.ru

³ См.: *Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1997. № 4.

⁴ См.: *Кондаков И. В.* Антропология русской словесности: литературоцентризм // Современные трансформации российской культуры / Отв. ред. И. В. Кондаков. М., 2005.

Статья поступила в редакцию 27.06.2007 г.